
Т. В. Жданова, Ю. В. Селезнев

ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР СООБЩЕНИЙ О СМЕРТИ ИНОЗЕМНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Русская летописная традиция важное место отводила сообщениям о смерти. Это было связано с особым отношением православных христиан к переходу в новое состояние человека: смерть есть переход к вечной жизни. Однако записи некрологического характера в основном посвящены кончине представителей правящих династий и высших церковных иерархов. Они могли быть лаконичными. Например: «Въ лѣто 6763... преставися Костантинъ Ярославичъ»¹. Но могли содержать и развернутый рассказ об обстоятельствах кончины, траурной церемонии и месте погребения².

Как исторический источник и как особый литературный жанр «летописный некролог» неоднократно привлекал внимание исследователей. Так, Д. С. Лихачев, изучая образ идеального правителя в древнерусской литературе, в качестве одного из источников рассматривал похвальные слова русским князьям, сопровождающие некрологические записи³.

С. А. Высоцкий в работе «Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.» провел сравнительный анализ летописных некрологических записей (он использовал термин «традиционные книжные эпитафии») и древнерусских граффити-эпитафий⁴.

А. А. Пауткин в статье «Характеристика личности в летописных княжеских некрологах»⁵, а также в монографии «Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания»⁶ обратил внимание на соотношение в княжеском летописном некрологе шаблона «литературного этикета» и реальных черт исторической личности. По мнению исследователя, одной из задач создания княжеского летописного некролога была потребность восполнить «разрозненность отдельных биографических фактов»⁷, летописцы творчески комбинировали различные выражения «литературного этикета», чтобы создавать индивидуальные портреты: «Летописные похвалы содержат меткие наблюдения, адекватные в основных чертах свойствам личности»⁸.

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. С. 32.

² ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 53.

³ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958.

⁴ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. I. С. 24.

⁵ Пауткин А. А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1989. Сб. № 1. С. 231–246.

⁶ Пауткин А. А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.

⁷ Пауткин А. А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах. С. 233.

⁸ Там же. С. 245.

В. В. Кусков в статье «Идеальные правители Древней Руси»⁹ при анализе источников княжеской святости, рассматривал «некрологическую похвалу» как один из элементов некрологической летописной записи и отмечал ее значимость в реконструкции посмертного статуса русского князя как объекта канонизации.

Затрагивал тему «летописного некролога» и А. А. Турилов в статье «Образ правителя в летописных “некрологах” XI—XIII веков»¹⁰. Изучая особенности княжеских некрологов, он также сделал предположение, что «по крайней мере некоторые из летописных “некрологов” (наиболее пространные, такие, например, как рассказ об Андрее Боголюбском или о Владимире Васильковиче Волынском) могли быть связаны с нереализованной попыткой канонизации лиц, которым они посвящены»¹¹. Он обратил внимание на то, что некрологической похвалы часто удостаивались князья, оцениваемые сегодня как второстепенные исторические персонажи. А. А. Турилов считает, что у современников и потомков могло быть разным восприятие значимости личности правителя в контекстах общерусской и региональной истории.

Немецкая исследовательница Корнелия Зольдат на ежегодных «Зубовских чтениях», посвященных памяти А. И. Комеча, в 2008 г. выступила с докладом «Описание смерти князя и царя в русских летописях»¹², в котором обратила внимание на принятые литературные шаблоны летописного некролога.

Один из авторов этих строк представил классификацию княжеских летописных некрологов в зависимости от объема заключенной в них информации и выявил наиболее часто встречающиеся структурные элементы княжеских некрологических записей¹³. Было высказано предположение, что летописный некролог является не только литературной традицией, но и обязательным элементом погребальной практики, которая, в свою очередь, включает в себя не только погребальный обряд, но и меры по сохранению памяти об усопшем, а также является «зеркалом» общественного статуса русской правящей элиты.

Однако при всем внимании к «летописному некрологу» русских правителей в отечественной историографии не предпринималось попыток провести комплексный сравнительный анализ русских княжеских летописных некрологов и некрологов иностранных правителей, которые также неоднократно встречаются на страницах русских летописей на протяжении всей истории летописания.

Особенности некрологических записей о смерти иноземных правителей, их сходство и отличие от летописных записей о смерти русских князей дают нам информацию об отношении русских книжников к соседним государям, о месте Руси в их ментальной картине мира и представлениях о реальной геополитической ситуации в тот или иной период.

Кроме того, в положении зависимости русских княжеств от ордынских правителей свидетельства об их кончине позволяют уяснить степень вовлеченности Руси в культурное поле степного государства, представления книжников о природе и характере ханской власти в XIII—XV в., а также степень признания этой власти.

Каковы же особенности и характер записей о смерти иноземных правителей?

Показательно, что Повесть временных лет, повествуя о событиях X—XI в., не говорит о смерти инородных правителей, а только о восшествии на престол новых государей: покойный правитель не представлял уже для русских летописцев какого-либо интереса (примерами могут

⁹ Кусков В. В. Идеальные правители Древней Руси // Древнерусские княжеские жития. М., 2001.

¹⁰ Турилов А. А. Образ правителя в летописных «некрологах» XI—XIII веков // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. М., 2008. Вып. 12. С. 195—209.

¹¹ Там же. С. 195.

¹² Зольдат К. Описание смерти князя и царя в русских летописях // Доклад «Зубовских чтений», художественный музей-заповедник «Александровская слобода», октябрь 2008 г.

¹³ Подробнее см.: Жданова Т. В. Статус князей в русском общественно-историческом сознании IX—XV вв. (по материалам погребальной практики). Дисс. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2006. С. 165—182.

служить следующие свидетельства: «(913 г.) в се же время поча царьствовати Костянтинь, сынъ Леонтовъ»¹⁴, «(920 г.) Поставленъ царь Романъ въ Грекох»¹⁵). ПВЛ упоминает о кончине государя, если следствием его смерти становились какие-либо политические события («(942 г.) Семеонъ иде на Храваты и побѣженъ бысть Храваты и оумре оставивъ Петра князя сына своего Болгаромъ»¹⁶, «(1030) в се же время оумре Болеславъ Великий в Лясѣхъ и бысть мятежъ в земли Лядскѣ вставше людѣ избиша епископы и попы и бояры своя»¹⁷).

Однако с конца XI в. появляются и отдельные лаконичные сообщения: «Осень оумре Половечьскый князь» (1082 г.)¹⁸. Это связано и с усложнением внутренних государственных институтов (требующим нового уровня отношений с соседями), и с усилением внешнеполитических контактов русского мира.

Из наиболее ранних летописных источников (Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, Новгородская первая летопись старшего извода) больше всего сообщений о смерти иностранных правителей содержится на страницах Ипатьевской летописи — 27 свидетельств. Для сравнения, Новгородская первая летопись старшего извода имеет только три сообщения; в младшем изводе той же летописи — 13 сообщений. Лаврентьевская же летопись, если не считать синхронные с Ипатьевской летописью сведения из Повести временных лет, совсем не имеет сообщений о смерти нерусских правителей.

Ипатьевская летопись, имея 27 сообщений о смерти иностранных правителей, содержит 134 некрологические записи, посвященные русским князьям, т. е. 16,77 % сообщений о кончине иноземных правителей.

Среди объектов некрологических сообщений X — начала XIII в. фигурируют: болгарский царь, половецкие князья, польские государи, византийские императоры, т. е. те правители, с государствами которых Русь граничит или же имеет регулярные связи (политические, дипломатические, культурные или торговые).

Но имеется и одна уникальная запись Ипатьевской летописи: «В лѣто 6715 (1207). Оубьенъ бысть цесарь великий Филиппъ Римьскый»¹⁹. Речь идет о Филиппе Швабском, сопернике Оттона IV. К сожалению, каких-либо пояснений, ни прямых, ни косвенных, по поводу того, почему это свидетельство было включено в состав Ипатьевской летописи, найти не удалось.

Со времени появления в пределах Восточной Европы монголо-татарских завоевателей и потери независимости русских княжеств на страницах русских летописей регулярными становятся записи о кончине ордынских правителей.

Показательно, что в составе Ипатьевского свода, в Галицко-Волынской летописи, под 1224 г. помещено свидетельство, неточное по датировке, но в целом достоверное, о смерти Чингиз-хана: «Ожидая Бога покаяния крестьяньскаго и обрати и воспятъ на землю восточную и воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьенъ бысть»²⁰.

Наиболее часто и регулярно о смерти ордынских правителей (правда, не обо всех) сообщает Рогожский летописец и подробный компилятивный Никоновский свод (XVI в.).

Рогожский летописец впервые упоминает о кончине ордынского правителя под 6756 (1248) г.: «Въ лѣто 6756... Тое же зимы оумре царь Батыи и по немъ сѣде на царствѣ Сартакъ сынъ его»²¹. С этой записи сообщения о смерти или гибели ордынских ханов становятся регулярными («Въ лѣто

¹⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 205.

¹⁹ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. С. 723.

²⁰ Там же. С. 745.

²¹ ПСРЛ. Т. XV. С. 31.

6767 царь Оулаchia оумре, а Кутлубеи седе на царстве»²²; «Въ лѣто 6773 оумре Татарьскый царь Беркай»²³; «Въ лѣто 6821 оумре Токта царь»²⁴). Всего Рогожский летописец содержит записи о смерти или гибели 16 ордынских ханов, о насильственной смерти 2 цариц и 4 случаях убийства в жестокой борьбе за власть сыновей правителей. Есть сообщение и о расправе с татарскими князьями: «Въ лѣто 6868... Тое же весны приде на царство Волжское нѣкый царь со вѣстока Заядьскы, именемъ Хидырь... а князи ордынскихъ Муалбоузиноу чадь множество оубиль»²⁵.

Однако даже внимательный к степному миру Рогожский летописец сообщает о смерти не всех ордынских ханов и содержит ошибки.

Так, датировка смерти Батые не точна — 1248 г. Тогда как установлено, что завоеватель Руси умер в 1255 г.²⁶ Во-вторых, не упомянуто о смерти Сартака, Менгу-Тимура и Туда-Менгу. Необходимо при этом отметить, что первый (Сартак) умер (отравлен Берке и Беркечаром), не доехав до столицы Орды и не вступив в полномочия в отношении русских княжеств. Последний (Туда-Менгу) был отстранен, и обстоятельства его смерти не известны. Потому оба они на момент смерти могли не представлять для русского книжника интереса как действующие правители.

Менгу-Тимур является первым ордынским ханом, начавшим чеканить собственную монету, т. е. он открыто заявил о своей независимости от центрального монгольского правительства в Каракоруме. Именно его Галицко-Волынская летопись в своих завершающих частях под 1274 г. называет «...великому цареву Меньгутимереви»²⁷.

Однако в летописной традиции о его кончине не упоминается. Это можно объяснить тем, что в Лаврентьевской летописи — с 1263 (Жития Александра Невского) до 1283 г. (события в Курском княжестве) — наблюдается дефект: отсутствует несколько листов. А Рогожский летописец с 70-х годов XIII в. приобретает тверской характер (до этого составитель имел в своем распоряжении ростовскую летопись и Краткий новгородский летописец), используя, по всей вероятности, тверскую великокняжескую летопись²⁸. Видимо, сведения об Орде и русско-ордынских отношениях на рубеже 70—80-х годов XIII в. выпали из поля зрения летописцев.

Тем не менее показательно, что с 1291 г. наблюдается регулярная фиксация смерти ордынского хана с обязательным упоминанием преемника. До этого времени отмечалась смерть важных для русских княжеств ханов (Батый (неточно) — завоевание, Улагчи — перепись, Берке — представитель иной веры — мусульманин). Регулярность прослеживается и в 60—80-е годы XIV в. — период «великой замятни», когда русские летописи скрупулезно фиксируют смену хана за ханом, время его правления (с точностью до дней), судьбу его преемника. При этом с 1363 г. смерть сарайских ханов не отмечается — появляются записи о смерти ханов Мамаевой Орды, а затем и о смерти самого Мамаю. Данный факт свидетельствует о переориентировании русских князей на крымское правительство могущественного временщика.

С 1412 г. регулярные записи о смерти ханов прекращаются. Отмечается лишь гибель Ахмата после его поражения на Угре в 1480 г.²⁹ Надо полагать, что с 10-х годов XV в. ханы перестают восприниматься в летописной традиции как верховные правители русских княжеств. Указанное наблюдение четко соотносится и с особенностями монетной чеканки в данный период: в 10-х годах Москва начинает чеканить монеты с обеими русскими сторонами. А с окончанием правления Токтамышша в Орде Василий I перестает помещать на монетах знаки зависимости, в

²² Там же. С. 32.

²³ Там же. С. 33.

²⁴ Там же. С. 36.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды: научно-справочное издание. Казань, 2009. С. 48.

²⁷ Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и коммент.: О. П. Лихачева // БЛДР. СПб., 2000. Т. V. С. 306.

²⁸ Конявская Е. А. Краткий Новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 50.

²⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 328.

частности имя хана³⁰. Действительно, Москва не признает марионеточных ханов, от имени которых правит эмир Идигу (Едигей)³¹. И только в 1412 г., после признания Василием I власти сыновей Токтамышша, ханов Джелаль-ад-Дина и Керим-Берди, начинается чеканка монет с нечитаемыми подражаниями. Как отмечал Г. А. Федоров-Давыдов, помещение нечитаемых подражаний было политической акцией, такой же, как и помещение имени хана, «только на более низком уровне»³². Оно выражало общую зависимость княжества от Орды, а не от конкретного, занимающего в данный момент престол хана. Но уже к середине 20-х годов XV в. в Московском княжестве вновь появляются монеты с обеими русскими сторонами. На русских монетах более никогда не встречаются ни имена ханов, ни нечитаемые подражания³³.

Показательно, что в Новгородской первой летописи за весь период ордынского владычества отмечена только смерть Узбека. Этот факт свидетельствует о неважности для Новгорода событий, связанных с Ордой, и невовлеченности Новгородской земли в ордынскую государственную систему и политическое поле³⁴. В то же время упоминание Узбека в новгородском летописании подчеркивает значимость личности этого хана, жизнь, деятельность и, главное, смерть которого оказываются важными и достойными упоминания в летописном памятнике. Если внимательно рассмотреть летописные свидетельства, то мы увидим, что новгородцы на протяжении XIII—XIV в. неоднократно сталкивались с ордынской царской властью: в 1257—1259 г. при проведении переписей (ханами Орды в это время были последовательно Улагчи и Берке); активно участвует в событиях войны Новгорода с Орденом в 1268 г. отряд владимирского баскака Амрагана (представителя верховной ордынской власти — хана Менгу-Тимура)³⁵; в 1270 г. ордынские послы утверждают договор между князем Ярославом и Новгородом (тогда в Орде правил Менгу-Тимур)³⁶; в 1284 г., когда Дмитрий Александрович Переяславский с помощью ордынцев Ногая восстанавливал свою власть в Новгороде³⁷; в 1315 г. ордынский отряд, поддерживавший великого князя Михаила Ярославича Владимирского, разгромил под Торжком новгородскую рать (правление Узбека), а зимой 1327—1328 г. после разгрома Тверского княжества ордынскими войсками Федорчука новгородцы откупились от татар: «в Новѣгород прислаша послы татарове, и даше имѣ новгородци 2000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводамъ съ множеством даровъ»³⁸ (время правления Узбека). Кроме того, в 1270 г., когда великий князь Ярослав Ярославич испросил у хана Менгу-Тимура (1267—1280 г.) войска для военного давления на Новгород, интересы республики в ставке хана представляли новгородские бояре Петрила Рычаг и Михаил Пинецинич³⁹. В 1328 г. новгородским послом был Федор Колеснича: тогда новгородцы поддерживали кандидатуру Ивана Даниловича Калиты на великокняжеский владимирский престол⁴⁰ (правление Узбека). А в 1353 г. в ханскую ставку из Новгорода ездил Семен Судоков, «прося великого княжения Костянтину князю суздальскому»⁴¹ (правление Джанибека).

Действительно, мы видим, что наиболее часто новгородцы взаимодействуют именно с ордынским ханом Узбеком. Причем частота и характер отношений Новгорода с Ордой

³⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 55.

³¹ Подробнее см.: Селезнев Ю. В. «А переменит Бог Орду...»: (русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV в.). Воронеж, 2006. С. 63—85.

³² Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. С. 141.

³³ Подробнее см.: Селезнев Ю. В. «А переменит Бог Орду...»: (русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV в.). С. 105—108.

³⁴ Подробнее см.: Селезнев Ю. В. Земля за Игнач-крестом: Новгород и Орда // Родина. 2009. № 9. С. 32—34.

³⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 88, 319; ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 348.

³⁶ ГВНП. С. 11; о событиях, предшествующих договору, см.: ПСРЛ. Т. III. С. 88—89, 319—320; М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 239—240; Т. VI. Вып. 1. Стб. 349—350.

³⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 325—326; Т. IV. Ч. 1. С. 245—246; Т. VI. Вып. 1. Стб. 359—360.

³⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 341.

³⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 88—89, 319—320; Т. IV. Ч. 1. С. 239—240; Т. VI. Вып. 1. Стб. 349—350.

⁴⁰ НПЛ. С. 201—202.

⁴¹ Там же. С. 363.

свидетельствуют о наибольшей степени зависимости Новгородской земли от хана именно в это время. Потому появление имени Узбека на страницах новгородского летописания не случайно.

Таким образом, регулярность записей о кончине ордынских правителей демонстрирует их особый статус в череде упоминаемых в летописных памятниках персон. Обуславливается это тем фактом, что ордынская власть признавалась более высокой по статусу — «царской»⁴² — и имела реальное право (в отличие от «царской» византийской) распоряжаться русскими землями и судьбами русских князей.

С XIV столетия нарастает интерес к событиям литовского мира. Причем наблюдается это не только в галицко-волинском летописании, но и в памятниках Северо-Восточной Руси. На место некрологических записей ордынских правителей к XV в. приходят записи о смерти литовских князей: Гедимина, Ольгерда, Витовта, Сигизмунда. При этом отсутствует информация о смерти давнего противника московских государей Ягайло-Владислава, который, став польским королем, вероятно, не вызывал уже интереса у русских книжников.

Особое внимание привлекает Никоновский свод, который, будучи компиляцией широкого круга источников, имел в своем составе тексты о государственном становлении Сербии и Болгарии и, соответственно, ряд свидетельств об их правителях. Включены были и некрологические записи: о сербском деспоте Немане, болгарском царе Калюяне, болгарском царевице Стрезе, сербском короле Стефане, святом Савве, происходившем из сербского королевского рода. Данная вставка не случайна и соответствует концепции «Москва — третий Рим» и представлению о миссии московских государей как покровителей всего православного мира⁴³.

Характер сообщений о смерти правителей прослеживается следующим образом. Если в отношении русских князей доминируют записи об их кончине естественным путем, то по отношению к иностранным государям ситуация несколько иная. Из 27 сообщений Ипатьевской летописи о смерти иноземных правителей только 9 говорят о естественной смерти, в остальных 18 — о павших в бою или убитых политическими соперниками. Данная тенденция характерна для всего рассматриваемого периода. Так, например, с 1237 по 1492 г. Московский летописный свод конца XV в. упоминает о смерти 157 русских князей, из них убиты были 48 (30,5 %). Этот же источник за этот же период сообщает о смерти 18 ордынских правителей, из них убиты были 11 (61 %).

Преобладание на страницах летописей насильственных смертей иностранных правителей связано не только с жестокими нравами, царившими в соседних государствах (что совершенно справедливо и по отношению к Орде, и по отношению к ранней истории Великого княжества Литовского), но и с особым драматизмом ситуации убийства, которая не могла оставить равнодушными христианские чувства летописцев. При этом на страницы летописей попадали не все правители, а только те, чья смерть могла быть поучительной с точки зрения православного благочестия (в качестве как положительного, так и отрицательного примера).

Речевые обороты, используемые русскими летописцами для сообщений о смерти, достаточно разнообразны. Наиболее часто встречаются глаголы «преставися» и «оумре».

В ранних русских летописях до крещения Руси князья: «скончашася»⁴⁴, «оумѣршю»⁴⁵, «оумре»⁴⁶. С момента крещения русских земель появляется традиция писать «преставися»⁴⁷. Но устойчивой связи «преставления» и христианства покойного в X—XII в. не существовало. Так, принявшая

⁴² Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001; Селезнев Ю. В. К вопросу об изменениях в титуловании ордынских ханов в русской письменной традиции XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2009. С. 293–298.

⁴³ БАН. Собр. Ф. Плигина. № 57. 21.5.15. Рук. XVII в. Л. 121 об.

⁴⁴ О смерти Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди, см.: ПСРЛ. Т. II. С. 8.

⁴⁵ О Рюрике, см.: Там же. С. 16.

⁴⁶ Об Ольге, см.: Там же. С. 55.

⁴⁷ О Малфиде, Рогнеде, см.: Там же. С. 114.

христианство Ольга в Ипатьевской летописи «оумре»⁴⁸. Запись «оумре», а не «преставися» встречается в Ипатьевской летописи и в христианский период: при сообщении о кончине Брячислава Изяславича (6552 г.)⁴⁹, Рюрика Ростиславича (6600 г.)⁵⁰, жены Мстислава Владимировича (6629 г.)⁵¹, Василька Ростиславича Тербовальского (6632 г.)⁵², Святослава Ярославича Муромского (6653 г.)⁵³, жены Олега Святославича (6675 г.)⁵⁴. Но количество употреблений глагола «преставися» гораздо больше, а к XIII в. он окончательно стал доминировать.

В записях о кончине иностранных правителей в Ипатьевской летописи из девяти сообщений о ненасильственной смерти глагол «преставися» используется четыре раза: при упоминании о польском князе Владиславе (Германе)⁵⁵ (1102)⁵⁶, о великом князе литовском Шварне Даниловиче (1268 г.)⁵⁷, о Болеславе Стыдливом (1279 г.)⁵⁸, о великом князе Лешке Черном Краковском (1286 г.)⁵⁹. Глагол «оумре» встречается пять раз: при упоминании о царе болгарском Симеоне (942 г.)⁶⁰, о половецком князе Осене (1082 г.)⁶¹, о византийском императоре Алексии Комнине (1117 г.)⁶², о Конраде Мазовецком (1251 г.)⁶³, о Марете (Марфе), жене великого князя литовского Миндовга (1262 г.)⁶⁴. Уловить закономерность в использовании глаголов «преставися» и «оумре» для Ипатьевской летописи не представляется возможным. Нельзя для данного источника утверждать, что «преставися» употребляется только по отношению к положительным персонажам, христианам. Так, «оканьный и незаконный прокляты немилостивый» язычник великий князь Литовский Тройден на странице летописи «и тако преставися»⁶⁵.

При сообщении о насильственной смерти автор Ипатьевской летописи помимо привычного «оубиен бысть» использует и другие выражения: «испроверже животь свои» (о половецком князе Итларе)⁶⁶, «падоша» (о половецких князьях), «изииде душа его» (о ятвяжском князе)⁶⁷. Все три выражения о смерти языческих правителей означают не просто расставание души с телом, а ее падение (так, например, полная фраза сообщения о смерти ятвяжского князя звучит: «и летящо емоу до землѣ изииде душа его со кровью во адъ»)⁶⁸. Летописец хотел показать окончательную гибель и тела, и души и усилить назидательный момент повествования.

Ни в старшем, ни в младшем изводе Новгородской первой летописи совсем не употребляется глагол «преставися» по отношению к иностранным правителям. Только «умре»: «умре цесарь Озбякъ»⁶⁹, великий князь литовский Гедемин «умре»⁷⁰, великий князь литовский Ольгерд «умрев»⁷¹,

⁴⁸ См.: Там же. С. 55.

⁴⁹ Там же. С. 143.

⁵⁰ Там же. С. 206.

⁵¹ Там же. С. 286.

⁵² Там же. С. 288.

⁵³ Там же. С. 318.

⁵⁴ Там же. С. 527.

⁵⁵ Там же. С. 253.

⁵⁶ Упоминаемые ниже даты кончины польско-литовских правителей указаны по Ипатьевской летописи (так, например, летопись сообщает о смерти Конрада Мазовецкого под 1251 г., тогда как он скончался в 1247 г.).

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. С. 868.

⁵⁸ Там же. С. 880.

⁵⁹ Там же. С. 897.

⁶⁰ Там же. С. 34.

⁶¹ Там же. С. 196.

⁶² Там же. С. 285.

⁶³ Там же. С. 809.

⁶⁴ Там же. С. 859.

⁶⁵ Там же. С. 869.

⁶⁶ Там же. С. 218.

⁶⁷ Там же. С. 834.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 353.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 374–375.

великий князь литовский Витовт «умре»⁷². Тогда как для указания на смерть русских князей, духовенства и посадников употребляется именно глагол «преставися»: «Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ князь Полочьскыи»⁷³, «Въ лѣто 6616. Преставися архиепископъ новгородчкыи Никита»⁷⁴, «Въ лѣто 6626. Преставися Дмитръ Завидович, посадникъ новгородчкыи»⁷⁵.

Более поздние летописи «устанавливают» традицию не употреблять глагол «преставися» по отношению к языческим правителям. Ни Суздальская летопись, ни Симеоновская летопись, ни Рогожский летописец, ни Тверская летопись не называют, например, ордынских правителей «преставившимися», а только «умершими»: «оумре царь Беркалий» (Суздальская летопись)⁷⁶; «умре царь Озбякъ» (Симеоновская летопись)⁷⁷; «Тое же зимы оумре царь Батыи» (Рогожский летописец)⁷⁸; «оумре Токта царь» (Рогожский летописец)⁷⁹; «И умре царь Беркай» (Тверская летопись)⁸⁰.

«Преставися» значит предстать пред Богом (церковь молилась, чтобы «душа преставившегося взошла на святую гору небесного Синая, удостоилась лицезрения Божия, достигла обетованного ей блаженства»⁸¹). Ордынские ханы-язычники, а после Узбека мусульмане не могли по представлению русских книжников войти в царство Божие, поэтому кончина для них — это смерть, т. е. путь в Царствие Небесное для них закрыт.

Правда, нельзя умолчать о сообщении Суздальской летописи о смерти баскака под 1305 г.: «...того же лѣта преставися баскакъ Кутлубугъ»⁸². Но и здесь мы можем предположить, что «Кутлубугъ» мог быть Кутлу-Мамет-Огарем — золотоордынским мурзой, выехавшим на службу к Александру Невскому и принявшим православие⁸³.

Характерно, что сообщения о смерти великих князей литовских также разграничивают понятия «оумре» и «преставися». Так, в Рогожском летописце князь Ольгерд «оумре»: «Въ лѣто 6885 умре князь великий Олѣгъ Гедиминович Литовьскыи, зловѣрный, безбожный, нечестивый»⁸⁴. Несмотря на то что перед смертью Ольгерд принял православие, летописец называет его «безбожный», обращая внимание на его языческую жизнь. А вот Витовт в Тверской летописи «преставися»⁸⁵, как и положено христианину.

Интересны по своей форме некрологические сообщения Никоновского свода. Как уже отмечалось выше, в данном памятнике XVI столетия содержатся вставки биографических сведений о правителях Балканского мира, не встречающиеся в более ранних летописных источниках. Смерть сербских и болгарских правителей показана как процесс приближения к Богу, вручение ему христианской души: «отойде ко Господу» сербский деспот Неманя (Симеон)⁸⁶; «предасть Богу дух» сербский король Стефан⁸⁷; «в руце Его (Бога) душу свою приложив» святой Савва, дядя сербского короля Стефана⁸⁸.

Необходимо отметить, что некрологические записи о кончине русских князей в ряде случаев не только содержат дату смерти и имя почившего (так называемый «мини-некролог»), но могут

⁷² Там же. С. 416.

⁷³ Там же. С. 202.

⁷⁴ Там же. С. 203.

⁷⁵ Там же. С. 204.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. С. 524.

⁷⁷ ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. С. 94.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. XV. С. 31.

⁷⁹ Там же. С. 36.

⁸⁰ Там же. С. 403.

⁸¹ Краткая энциклопедия православия. М., 2001. С. 276.

⁸² ПСРЛ. Т. I. С. 528.

⁸³ Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия: в 2 т. Т. 1. А—М. / Авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2003. С. 643.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. XV. С. 117.

⁸⁵ Там же. С. 489.

⁸⁶ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. X. С. 42.

⁸⁷ Там же. С. 44.

⁸⁸ Там же. С. 48.

иметь дополнительную информацию: имена живых и уже почивших родственников покойного, имена присутствующих на похоронах, описание погребальной церемонии, выбор места погребения.

В отношении фиксации смерти иноземного правителя подобная дополнительная информация в ряде случаев также присутствует.

Первый «развернутый» некролог с подробностями похорон иноземного правителя содержит Повесть временных лет под 1096 г.: «на заоутрьѣ же налѣзоша Тугоркана мертвого и взяша и Святополкъ акы тѣста своего и врага и привезше и г Києву и погребоша и на Берестовѣмъ межю путемъ гридуцимъ на Берестово»⁸⁹. Тугоркан являлся тестем Святополка, и поэтому летописец основное внимание уделяет не Тугоркану, а именно благородному поступку киевского князя. Выражение «стя своего и врага» соответствует евангельскому духу «любите врагов ваших». Ранее под 1079 г. летописец сообщает об убийстве половцами князя Романа Святославича, которого враги оставили без погребения: «оубиша и Половци... Суть кости его и доселѣ лежаче тамо»⁹⁰. Создается контраст между грубостью половцев и благородством Святополка.

Ипатьевская летопись помещает на своих страницах некрологи и литовских, и польских правителей, копирующие некрологи русских князей, с хвалебными эпитетами и подробностями погребения. Все упоминаемые летописью польско-литовские правители состояли в родстве с русской княжеской династией и имели тесные политические контакты с галицко-волыньским миром. «В лѣто 6759. Оумре князь велики Лядьскыи Кондрать. иже бе славенъ и предобрь»⁹¹ — о смерти Конрада Мазовецкого, женатого на Агафье Святославовне, дочери перемышльского князя Святослава Игоревича (был также политическим союзником Даниила Галицкого, а позже Михаила Всеволодовича Черниговского уже против самого Даниила). Под 6776 (1268) г. помещается развернутый некролог о великом князе литовском Воишелке: «дѣяволъ же исконѣи не хотя добра человеческому родоу. и вложи во сердце Лвови. оуби Воишелка. завистью. оже бяшетъ. далъ землю Литовскоую. братоу его Шварнуви. и такъ бысть конѣцъ оубитья его спрятавшѣ тело его. и положиша во цѣркви святого Михаила Великаго»⁹². Христианин, князь-монах, связанный родством с галицкими князьями (его сестра была замужем за сыном Даниила Галицкого Шварном) и убитый одним из них, Воишелк удостоился упоминания о месте своего погребения. Далее в Ипатьевской летописи мы встречаем еще три некролога иноземных правителей, по своей структуре идентичных некрологам русских князей. «Шварнови в Литовьскои земли княживъ же лѣтъ немного и тако преставися и положиша тело его во цѣркви святой Богородице близъ гроба отня»⁹³, хотя данный некролог нельзя считать в полной мере некрологом иностранного правителя, поскольку Шварн — сын Даниила Галицкого. «В лѣто 6787... Того же лѣта преставися великий князь Краковьскыи Болеславъ. добрый тихи. кроткий смиренныи. незлобивыи. поживъ же лѣта много. и тако. во старости добръ отиде ко Господу. тѣло же его спрятавшѣ. положиша е во цѣркви святого Францишка. в городѣ Краковѣ»⁹⁴ — о смерти Болеслава V Стыдливого (сын Лешко (Лестько) Белого; его сестра (дочь Лешко) была женой Василька Романовича Волинского⁹⁵; вероятно, их сын Владимир упомянут в статье 6787 г., Болеслав назван «уем», т. е. дядей по женской линии (по матери) Владимира⁹⁶; после смерти Конрада Мазовецкого Болеслав из противника превратился в союзника Даниила Галицкого, участвовал в совместном чешском походе, поддерживал дружеские отношения и с сыновьями Даниила). О погребении великого

⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. С. 232.

⁹⁰ Там же. С. 204.

⁹¹ ПСРЛ. Т. II. С. 809.

⁹² Там же. С. 868.

⁹³ Там же. С. 869.

⁹⁴ Там же. С. 880.

⁹⁵ Козан В. М., Домбровский-Шазалин В. И. Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб., 2004. С. 300.

⁹⁶ Галицко-Волинская летопись [комментарии]. С. 487.

князя Краковского Лешека Черного под 6794 (1286) г. Ипатьевская летопись сообщает: «Того же лѣта преставися великий князь Лестько. Казимиричъ Краковьскыи. епископъ же и игоумени и поповѣ и дѣякони спрятавшѣ тѣло его. пѣвшѣ обычныя пѣсни. и тако положиша тѣло его во Краковѣ городѣ во церкви святѣи Троицѣ. и плакашася по немъ вси людѣ. боярѣ и простии плачемъ великомъ»⁹⁷. Это «классический некролог» с описанием обряда, но и здесь мы можем увидеть связь с русской княжеской семьей. Лешек был женат на Агриппине Ростиславне, дочери Ростислава Михайловича Черниговского, внучке святого Михаила Всеволодовича Черниговского.

Новгородская первая летопись не содержит развернутых некрологов иностранным правителям.

Сообщения о смерти ордынских ханов ни в одном из русских источников никогда не содержали подробностей смерти и погребения: точной даты и времени кончины, имен присутствующих на похоронах, места погребения. Но во многих случаях называется имя преемника, который зачастую имел непосредственное отношение к гибели хана: «Въ лѣто 6756 (1248) Тое же зимы оумре царь Батый и по немъ сѣде на царствѣ [Сар]такъ сынъ его» (Рогожский летописец)⁹⁸; «Въ лѣто 6767 (1259) царь Оулавча оумре, а Кутлубей сѣде на царствѣ» (Рогожский летописец)⁹⁹; «(1313) понеже тогда Тохта царь умре, а новыи царь Озбякъ сѣлъ на царствѣ и обесерменился» (Симеоновская летопись)¹⁰⁰; «В лѣто 6849 (1341)... Тое же осени умре царь Озбякъ, а на зиму Жданибѣк оуби два брата Тинибѣка и Хыдырбѣка, а самъ сѣдѣ на царствѣ» (Рогожский летописец)¹⁰¹; «(1357). Того же лѣта Бердибѣкъ царь въ ордѣ сѣде на царствѣ, а отца своего убилъ и братью свою побилъ» (Симеоновская летопись)¹⁰².

Рогожский летописец, упоминая о смерти великого князя литовского Ольгерда, методично перечисляет всех его сыновей и называет преемника и выгодно совершенный тем династический брак. Но так же, как и в описании кончины ордынских правителей, никаких подробностей похорон не сообщает: «Въ лѣто 6885 (1377). Умре князь великий Олѣгъ Гедименовичъ. Бѣ у Едемеа (7) сыновъ: Наримонт, Олѣгъ, Евиутей, Кестутей, Кориадъ, Люборъ, Монтивидъ. Олѣгъ же всю братию поимъ за се разумомъ и мужии, бе бо вина и меду не пиа. Имяше сыновъ 12, отъ 1-я жены пять сыновъ, а отъ Тверианки Улианы семь; и бѣ сыновъ Олѣгъдовѣхъ имена имъ: Андрѣи, Дмитрей, Костантинъ, Володимеръ, Федоръ, а от Улианы: Корибутъ, Скрыгаило, Ягаило, Швѣтригаило, Коригаило, Лугвень и Вигонтъ. Избра изъ своихъ дѣтей Ягаила, емуже княжение великое поручи; Ягаило же оженися въ Ляцьской земли, поя за собе корилицу, не имуще ей отца и матере, ея же ради досталося ему королевство»¹⁰³. И далее под 1378 г. упоминается об убийстве брата Ольгерда Кестутя племянником: «Въ лѣто 6886. Убиенъ бысть Кѣстутей отъ Олѣгъдова сына»¹⁰⁴.

Таким образом, ни сообщения о смерти восточных правителей, ни сообщения о смерти западных соседей для Рогожского летописца не являются некрологами в подлинном смысле этого слова (торжественными записями в память о почившем), а оказываются информационными сводками, уточняющими, когда произошла смена власти, при каких обстоятельствах.

В Никоновском своде впервые развернутый некролог иностранному правителю дается под 1204 г. и связан с чудом святого Саввы. О смерти сербского короля Стефана сообщается: «Святый же Сава прииде со тѣцаниемъ, и обрѣте брата умерша, и зѣло оскорбився, и много помолвився со слезами, воскреси брата, и облече его во иноческий образъ, и причастивъ святымъ тайнамъ,

⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. С. 897.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. XV. С. 31.

⁹⁹ Там же. С. 32.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 87–88.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. XV. С. 54.

¹⁰² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 100.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. XV. С. 436.

¹⁰⁴ Там же. С. 138.

паки уснути повелѣ, рече: “приими въ миръ душу его, Господи”... предасть Богу духъ Стефанъ крадь, нареченный во иноцехъ Симонъ, и положи его въ Студенци, въ монастыри пречистыа Богородици, со отцемъ его Симеономъ»¹⁰⁵.

Летописные некрологические записи, посвященные русским князьям, часто сопровождаются похвалой почившему князю или хотя бы хвалебным эпитетом «блаженный», «христолюбивый», «благочестивый», «милостивец». Похвалы иноземным правителям — редкое явление.

Ипатьевская летопись называет Конрада Мазовецкого «славенъ и предобръ». Это высказывание русского летописца о доброте Конрада является резким контрастом с характеристиками, которые дает Конраду Великая Польская хроника: «В этом же году мазовецкий князь Конрад, вступив в краковский диоцез, разграбил церковные деревни, поджег курию епископа и, нанеся церкви большой урон, невредимым вернулся домой. За это Прандота, краковский епископ, выбранный и посвященный в прошлом году в епископский сан, отлучил его от церкви. Его решение утвердил господин Пелка, гнезненский архиепископ»¹⁰⁶.

Болеслав Стыдливый в Ипатьевской летописи «добрыи тихи, кротки, смиренни, незлобиви». Болеслав, как известно, отличался набожностью и аскетизмом, его жена отказалась от супружеской близости из религиозных соображений, и он, боясь греха прелюбодеяния, остался бездетен. Набожность и аскетизм польского князя восхищали русских летописцев.

Никоновская летопись, сообщая о гибели от рук Льва Даниловича Воишелка, говорит о последнем: «...подвизася жестокимы и многодобрѣтелнымъ трудомъ, и по многихъ трудѣхъ въ вѣлице старосте преставися о Господи»¹⁰⁷. Московский летописный свод конца XV в. называет умершего татарского хана Джанибека добрым: «В лѣто 6865 (1357)... а в Ордѣ тога заматня бысть велика, умре бо добрый Чжанибѣк»¹⁰⁸. Однако есть версия, что под словом «добрый» летописец подразумевал толстый, дородный. В таком случае вряд ли эту запись можно назвать хвалебной.

Для русской летописной традиции по смерти русских правителей антинекрологи (когда покойный не только не прославляется, а, наоборот, ему дается очень негативная оценка) не характерны. Христианское мировоззрение с его принципом «Не суди, да не судим будешь» делало неэтичным поношение покойного (вместо суда человеческого его уже ждет суд Божий). Поэтому авторы летописаний позволяли себе негативные высказывания в адрес князей, повествуя об их жизни, но ограничивались скупым некрологом, когда речь шла о смерти. Например, Повесть временных лет под 1094 г. сообщает о разорении половцами окрестностей Чернигова, напрямую обвиняя в этом Олега Святославича: «Приде Олегъ с половци из Тѣмutorоконя [и] приде к Чернигову... Половци же начаша воевати около Чернигова. Олгови не взбранящю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати, се оуже третье наведе поганя на землю Русьскую...»¹⁰⁹. Летопись не раз обвиняла Олега в дружбе с половцами, но ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская летописи не упоминают об этом в некрологических сообщениях: «В лѣто 6623 (1115)... В том же лѣте преставися Олегъ Стославичъ. въ 8 день. августа. месяца»¹¹⁰ — Лаврентьевская летопись; «в се же лѣто преставися Олегъ Стославичъ. месяца августа въ 1 день а во вторыи. погребенъ быс оу с(вя)того Спаса оу гроба отца своего Стослава»¹¹¹ — Ипатьевская летопись.

В изгнании в Новгороде в 1453 г. умирает заклятый враг великого князя Василия Темного Дмитрий Шемяка, но Московский летописный свод конца XV в., составленный при жизни Ивана III,

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 44.

¹⁰⁶ Великая Польская хроника. URL: <http://vashaktiv.ru/texts/v/velikya3.php>.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 145.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 180.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 226; Т. II. Стб. 216—217; Повесть временных лет // Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М., 2006. С. 246.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. I. С. 290.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. II. С. 282.

не позволяет себе дать негативную оценку человеку, немало зла сделавшего отцу Ивана: «В лѣто 6961 (1453)... Преставися князь Дмитрей Шемяка. Того же лѣта мѣсяца иуля 23 приде вѣсть к великому князю из Новгорода на вечерни у великого мученика Бориса и Глеба на Москвѣ на рѣѣ, что князь Дмитрей Шемяка умре напрасно в Новѣгородѣ и положенъ въ Юрьевѣ монастырѣ, а пригонилъ с тою вѣстью подъячей Беда, а оттоля бысть дьякъ»¹¹². Радость при дворе Василия от полученного известия выражается в факте, что гонец из подьячего жалуется в дьяки, но никаких проклятий и негативных характеристик Шемяки мы не увидим.

Таким образом, и во времена Повести временных лет, и во времена раздробленности, и во времена становления государства Московского сохранялось этическое правило не поносить по смерти «антигероев». Исключением из правила является только «окаянный» Святополк, при описании смерти которого древнерусские тексты не поскупились на самые черные краски.

Однако, знакомясь с некрологами иностранных правителей, мы не всегда встретим такую же щепетильность, как в отношении русских князей. Антинекролог здесь — распространенное явление. Первым на страницах Ипатьевской летописи антинекролог получает половецкий князь, погибший в набеге на русские земли: «и Севенча Боняковича дикаго Половчина оубиша. иже бяшетъ рекль. хоцю сечи в Золотая ворота яко же и отецъ мой»¹¹³. Антинекрологом можно считать запись о гибели безымянного ятвяжского князя: «и летящюу емоу до земле изииде душа его со кровью во адъ». Развернутый антинекролог дан ипатьевским летописцем великому князю литовскому Тройдену: «Нача княжити в Литвѣ оканьнии и безаконьнии прокляты немилостивии Троицеи егоже безаконья не могохомъ писати срама ради такъ бо бяшетъ безаконьник яко и Антиохъ Соурьскыи Иродъ Ерусалмъскыи. и Неронъ Римскыи и ина многа злѣиша того безаконья чиняше живъ же летъ 12 и тако преставися безаконьникъ»¹¹⁴.

При описании кончины одного из великих литовских князей Сигизмунда (1440 г.) Новгородская первая летопись младшего извода не скупится на отрицательные характеристики. После государственного переворота в Великом княжестве Литовском лояльный к новым литовским властям новгородский летописец всеми силами старается убедить читателей, что заговор и убийство великого князя Сигизмунда (Жигимонта) были справедливым возмездием: «В лѣто 6948 (1440). Убьенъ бысть в Литвы князь великыи Литовскыи Жигимонтъ Кестутъевич Олександромъ Черторискымъ и братомъ его Иваномъ, а княжилъ 9 лет. Сеи бѣ князь лют и немилостивъ и серебролюбивъ паче челоуѣкъ, и много князеи литовскихъ погуби, и иныя истопи, а ины погуби мечем, а паневъ и земьскихъ людей не мало безъ милосердия изгуби; того ради и богъ на него наведе сию злую смерть. И тако не яшася за сына его за Михаилу, за злобу отца его, и всѣ литовскыи грады и рускыи избраша собѣ князя великаго Казимира королевича, Ягоилова сына, и посадиша его в Вилнѣ на великомъ княженъи тихо и безмятежно»¹¹⁵. Покойный князь рисуется самыми темными красками: он жесток и жаден, повинен в смерти своих подданных, а вот новый князь Казимир желанен и литовским, и русским жителям. Он выступает антиподом Сигизмунду.

Московский летописный свод конца XV в. повторяет из ранних источников некрологическую запись о кончине Ольгерда Литовского, но добавляет нелюбезные эпитеты: «зловѣрны, безбожны, и нечестивыи»¹¹⁶.

Ордынским же ханам русские летописцы никогда не позволяли себе создавать антинекрологи. Сообщения о смерти ордынских ханов, как отмечалось выше, — это информационные сводки: когда произошла смена власти, при каких обстоятельствах — не более. Так, Тверской сборник сообщает: «Въ лѣто 6774. И умре царь Беркай, и Руси ослаба бысть отъ насилья бесерменска»¹¹⁷. Оценки

¹¹² ПСРЛ. Т. XXV. С. 273.

¹¹³ ПСРЛ. Т. II. С. 432.

¹¹⁴ Там же. С. 869.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 420.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 193.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. XV. С. 403.

заменены фактами. Такое осторожное отношение к ордынским правителям связано с признанием легитимности власти Орды над Русскими землями в XIII–XV в. Тем не менее в летописях идет четкое разделение на «свой русский православный мир» с устоявшимися (в том числе и некрологическими) традициями и ордынский мир, признаваемый, но чуждый, соседний.

Подведем итоги. На протяжении всей древнерусской летописной традиции существовал интерес к событиям, происходившим в соседних с русскими землями, в том числе и к смерти инородных правителей. Интерес этот не был устойчивым по своей интенсивности и то почти угасал, то разгорался с новой силой.

Лаврентьевская летопись отражает историю, прежде всего, Северо-Восточной Руси и иностранными правителями не интересуется, политические страсти, кипящие внутри Владимиро-Суздальской земли, заслоняют события в далеких государствах. Отсутствие серьезной внешнеполитической угрозы также способствует этому дистанцированию (нет прямого влияния, нет опасности — нет и интереса).

На первый взгляд, для Ипатьевской летописи нет четких границ между миром «русским» и другими странами и народами, для иностранных правителей не создавались особые формы некрологических записей. Язычники отторгались, а христианские правители воспринимались как часть общей культурной, социальной и политической среды, в силу географической близости особый интерес представлял польско-литовский мир. Однако все правители, получившие развернутые некрологи в Ипатьевской летописи, имели тесные родственные и политические связи с русскими князьями.

В новгородской летописной традиции слабо отражен интерес к смерти иностранных правителей, сообщения либо единичны (как в случае с ордынскими ханами), либо лаконичны (как в случае с западными соседями), и только в XV в. с обострением внутривнутриполитической борьбы и усилением давления как с Запада, так и со стороны Москвы отголоски выбора внешнеполитической ориентации выплескиваются на страницы летописи, в том числе и в форме антинекрологов.

В северо-восточных летописях XV в. проводится четкая граница между «своими», «чужими» и «врагами», и форма некрологической записи отражает не только личный статус правителя, но и соседнего государства в целом (кого уважать, кого опасаться, кого бояться, а кого откровенно презирать). И эта тенденция сохраняется и для XVI в.

Особое место в этом ряду занимают сообщения о смерти ордынских ханов. Будучи признанными верховными правителями православной Руси — «царями», занимая четко определенное место в политической картине мира, они должны были оказаться на страницах летописей. Собственно, до первой четверти XV в. в различных летописных памятниках мы наблюдаем регулярную запись о кончине ордынских правителей. Однако, являясь язычниками или мусульманами, восточные ханы не могли быть включены в ментальную картину мира как положительные примеры. Негативная же их оценка вступала в различного рода противоречия в картине мира: сакральные — почему наблюдается подчинение заведомо несправедным «царям»; политические — нелояльность к правителю может вызвать его гнев (как собственного князя, так и хана).

Находившиеся в зависимости от Орды и постоянно с ней контактирующие русские княжества жизненно были заинтересованы в информации о том, что происходило у соседей, по каким правилам политической этики они играют. Хладнокровная расправа нового претендента на власть со своими родственниками не предвещала «теплых» отношений и с русскими князьями, да и ожесточала нравы самих князей¹¹⁸.

Именно потому фиксация кончины ордынских правителей не оказывается некрологом в прямом понимании его как посмертной записи, посвященной почившему.

¹¹⁸ О прямом влиянии ордынской практики на увеличение в русских землях междоусобных убийств свидетельствует А. А. Горский (Горский А. А. Эволюция отношения к убийству в древней Руси // Мир истории. 2001. № 2. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive>).

Несмотря на тесные контакты с иностранными государствами, политические и родственные связи, ситуацию внешней зависимости, период раздробленности внутри русских земель, иностранные правители никогда не ставились на страницах летописей на одну ступень с русскими князьями. Даже в период существования отдельных самостоятельных княжеств сохранялось общественное единство русского мира. И сравнительный анализ некрологических записей подтверждает это.